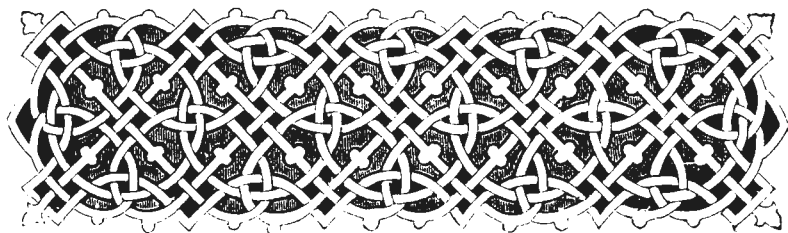

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
ІЮЛЬ, 1900

ВРАЖДУЮЩІЙ АУЛЪ.

(Изъ записокъ маленькаго администратора).

I.

ОВСѢМЪ спрятался въ глубокой котловинѣ аулъ Чухурь-Агылъ; наверху, по краямъ ямы, широкимъ кольцомъ окружаютъ его многочисленные сады и посѣвы южки (люцерна); передъ ними далеко по ровной степи тянутся золотистыя поля пшеницы и ячменя; по краю ихъ правильнымъ полукругомъ, въ разстояніи полета стрѣлы одна отъ другой, расположены невысокія башенки. Въ прежнее время, во время «свободной Туркменіи», на ихъ верхушкахъ помѣщалась стража, предупреждающая работающихъ въ полѣ людей о приближеніи аламана (набѣга), а внутрь прятался всѣ тѣ, кому далеко было бѣжать подѣ защиту крѣпкихъ стѣнъ калы (крѣпость); теперь, при русскихъ, башенки служатъ межевыми знаками да складами для зерна.

Когда изъ степи подъѣзжаешь къ Чухурь-Агылу, такъ эти башни, поля да сады только и указываютъ на то, что гдѣ-то поблизости спрятался аулъ.

Проѣдешь золотистое море пшеницы, минуешь животрепещущій узенькій мостикъ, перекинутый черезъ широкій арыкъ (канавка) съ отвѣсными берегами и глубоко внизу бурлящею водою, и когда вѣдешь въ узенькій, кривой переулочекъ, образуемый низкими

глинобитными заборами и окаймленный чащей садовъ,—тогда только замелькаютъ кое-гдѣ сквозь густую листву то плоская кровля, то уголъ сакли, то кусокъ крѣпостной стѣны.

Переулочъ еще больше сузился, круто повернулъ въ сторону, побѣжалъ внизъ по крутому спуску и сразу оборвался, выйдя на широкую пустую площадь.

Съ одной стороны ея, съ самаго дна вверхъ по скату, широко раскинулись, доходя до садовъ, многочисленныя курныя сакли. Около каждой изъ нихъ небольшой дворикъ, ограниченный чуть замѣтнымъ заборчикомъ. Во дворахъ кое-гдѣ виднѣются неуклюжіе верблюды, молодые ягнята, изрѣдка лошадь подъ тяжелой войлочной попоной. Тутъ же, прямо на улицѣ, проходитъ лѣтомъ и вся жизнь туркмена. Немногочисленные, синеватые дымки костровъ тонкими спиралями поднимаются къ чистому безоблачному небу; слышатся женскіе голоса, беззаботный смѣхъ полуголыхъ ребятъ-шекъ, блеяніе ягнятъ, иногда скрипучій ревъ осла да отрывистый лай громадныхъ овчарокъ.

По другую сторону котловины вздымаются еще хорошо сохранившіяся стѣны и круглыя выступныя башни калы, загораживая отъ любопытныхъ взоровъ ея внутренность, куда ведутъ широкія и высокія ворота.

Внутри кала похожа на заброшенный улей. Одна около другой, какъ ячейки, лѣятся сакли, лишеныя крышъ и дверей; многія изъ нихъ уже развалились, стѣны другихъ ежеминутно грозятъ паденіемъ; узенькіе ходы, проулки и переходы между ними представляютъ такой лабиринтъ, въ которомъ и привычному человѣку не трудно заблудиться. Не совсѣмъ еще впрочемъ покинута кала. По той стѣнѣ, въ которой продѣланы ворота, во многихъ сакляхъ замѣтно такое оживленіе, какъ и на той сторонѣ котловины. По срединѣ крѣпостцы, образуя нѣчто въ родѣ цитадели, болѣе высокія стѣны отгораживаютъ обширный дворъ съ четырьмя жилыми саклями и нѣсколькими саманниками (амбары). Здѣсь замѣтна большая зажиточность, чѣмъ въ остальныхъ домахъ селенія. Двѣ коровы улеглись въ тѣни навѣса, пережевывая жвачку; породистый текинскій жеребецъ съ широкимъ серебрянымъ ошейникомъ дремлетъ на приколотѣ, покрытый расписною попоной; копошатся въ глубокой ямѣ, закрытой хворостиной, ягнята, предназначенные на убой.

Въ большомъ котлѣ, подъ которымъ весело трещитъ саксаулъ¹⁾, варится рисъ.

И рисъ, кушанье богатыхъ, и саксаулъ, топить которымъ можетъ только зажиточный человѣкъ, такъ какъ за вырубку его платится пачъ²⁾, и серебряныя украшенія молодой еще женщины,

¹⁾ Саксаулъ—растеніе, присущее пескамъ, корни котораго идутъ на топливо.

²⁾ Пачъ—пошлина съ чего бы то ни было.

возящейся около котла, и характерный трескъ ткацкаго станка, на которомъ выдѣлывается аладжа ¹⁾, доносящійся изъ одной сакли, и шмыгающіе по двору въ одномъ бѣльѣ и папахъ персы рабочіе—все указываетъ на богатство хозяина двора.

Здѣсь живетъ Муррюкъ-кетъ-худа, наслѣдственный, родовой кетъ-худа ²⁾ племени анаули, населяющихъ Чухуръ-Агылъ.

Раньше, во времена туркменской свободы, еще богаче былъ Муррюкъ.

Испоконъ вѣковъ, на дѣдовъ и прадѣдовъ его работали, какъ вѣрные подданные, всѣ двѣсти домовъ аула. Годами скоплялось богатство и достигло бы колоссальныхъ размѣровъ, еслибы кетъ-худа захотѣли копить и не жить такъ широко, какъ они жили.

Все же много денегъ и имущества осталось Муррюку послѣ отца; только быстро стало уменьшаться богатство послѣ прихода русскихъ. Завелись новые порядки, къ которымъ никакъ не могъ привыкнуть немолодой ужъ въ то время кетъ-худа. Прогнѣвался на него за что-то Аллахъ и не далъ дѣтей отъ первой жены. Женился Муррюкъ на второй; сынъ родился, а больше ребятъ нѣтъ. Кетъ-худа третью жену взялъ, а какъ старшая умерла, такъ и четвертую, и онѣ оставались безплодными.

Совѣтъ отвернулся разгнѣванный Аллахъ отъ вѣрнаго слуги своего; а онъ ли не молился, не справлялъ всѣ намазы, не ѣздилъ на поклоненіе ко всѣмъ евліа ³⁾. Послѣднія двѣ женитьбы и были первымъ подрывомъ благосостоянія кетъ-худа. Прежде какой калымъ ⁴⁾ ни предложи, каждый за честь считаетъ отдать свою дочь замужъ за начальника, теперь не то: всякій норовитъ какъ бы побольше денегъ содрать съ богатаго Муррюка. Дорого стоили ему двѣ послѣднихъ жены, а тутъ еще русскіе не позволили, чтобъ одноаульцы работали на него; тѣ, какъ узнали, и обрадовались свободѣ. Нашлись, конечно, между ними и враги кетъ-худа, давно таившіе противъ него злобу. Однимъ изъ такихъ былъ Велюубай ⁵⁾, мѣстный торговецъ. Хитрый и пронырливый, онъ быстро забралъ, раздавая деньги въ долгъ, весь почти аулъ въ свои руки. Подговорилъ своихъ приверженцевъ выселиться изъ калы, смѣнить со старшинства Муррюка, назначеннаго было въ началѣ русскими, и выбрать себя на его мѣсто.

Престарѣлый кетъ-худа съ небольшимъ числомъ родственниковъ, оставшихся ему вѣрными, не захотѣлъ бросать стараго пепелища и началъ безконечную борьбу съ возмущившимися подданными. Скоро вражда партій обострилась до того, что со стороны

¹⁾ Аладжа—шелковая матерія мѣстнаго производства.

²⁾ Кетъ-худа—родоначальникъ племени.

³⁾ Евліа—могила святого, мѣсто поклоненія.

⁴⁾ Калымъ—плата за жену.

⁵⁾ Бай—купецъ, богатый человѣкъ.

можно было подумать, что въ Чухуръ-Агылѣ живутъ не единоплеменные анаулы, а искони ненавидящіе другъ друга разные народности.

Удаленіе отъ должности старшины, расколъ среди жителей аула, а главное отказъ даже ближайшихъ родственниковъ попрежнему работать на него, въ конецъ подорвали богатство Муррюка, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ считалъ себя теперь бѣднякомъ. Заходящее солнце краемъ уже касалось горизонта; по безоблачному небу плылъ бѣлесоватый рогъ молодого полумѣсяца, и ярко горѣла вечерняя звѣзда въ надвигающихся сумеркахъ.

Расплывчатая, голубоватая тѣни мало-помалу окутывали старую калу.

Въ обширномъ низкомъ мехманъ-хане ¹⁾ Муррюка почти совсѣмъ темно. Последніе лучи потухающаго дня, пробираясь сквозъ небольшую дверцу и круглое отверстіе въ крышѣ, предназначенное для выхода дыма, колеблющимся невѣрнымъ свѣтомъ озаряютъ узорную кошму, покрывающую полъ, нѣсколько сундуковъ съ наваленными на нихъ теплыми одѣялами и мутаками, круглый очагъ съ потухшими угольями, сѣрыя стѣны, свѣнивающійся съ крыши-потолка законченный хворостъ и приземистую, широкоплечую фигуру самого хозяина, одѣтаго въ два шелковыхъ красныхъ халата, высокую папаху, шерстяные носки и толстыя красныя туфли на двойной подошвѣ. Сильно о чемъ-то задумался Муррюкъ, сидя почти у самаго входа.

Живые, черные глаза сердито смотрятъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей; сухая, красивая рука машинально гладитъ сѣдую окладистую бороду; глубокая морщина легла поперекъ высокаго, красиваго лба; тонкія губы сосредоточенно сжаты. Давно уже сидитъ кетъ-худа въ мехманъ-хане, и никто изъ домашнихъ не смѣетъ потревожить его.

Во дворъ вошли два старика и почтительнымъ шопотомъ освѣдомились у рабочаго, гдѣ находится хозяинъ.

Какъ ни старались тихо говорить пришедшіе, какъ ни шептались имъ персъ—рабочій, но чуткое ухо старика уловило въ тишинѣ двора знакомые голоса брата и аульнаго мираба ²⁾.

Быстро постаравшись принять совершенно равнодушное выраженіе, онъ ласково позвалъ гостей и приказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ подавать ужинать.

— Что скажете, старики? — обратился кетъ-худа къ обоимъ аксакаламъ ³⁾, когда тѣ послѣ обычныхъ вопросовъ о здоровьѣ успѣли и принялись за поданный чай.

— Къ тебѣ, почтеннѣйшій кетъ-худа, за совѣтомъ пришли. Разбери наше дѣло!..—отвѣтилъ мирабъ, высокій худой старикъ.

¹⁾ Мехманъ-хане—пріемная комната для гостей.

²⁾ Мирабъ—надсмотрщикъ за водой.

³⁾ Аксакаль—бѣлобородый, старикъ.

— У васъ старшина есть; идите къ нему. Какъ же я могу васъ разбирать?.. ядовито усмѣхнулся Муррюкъ.

— Мы старшину не знаемъ... нахмурился младшій братъ хозяина.

— Ты нашъ кетъ-худа... Къ тебѣ и идемъ... Старшина что?.. Дуракъ... поддержать его мирабъ, презрительно сплюнувъ.

— Теперь вотъ меня просите разобрать, а какъ дѣло разберу, такъ недовольный къ приставу поѣдетъ жаловаться... Опять въ народномъ судѣ будете судиться... Меня въ свидѣтели вызовутъ, а я къ гурамъ и ѣздить-то не хочу...—ворчалъ старикъ, все-таки польщенный тѣмъ, что обращаются къ посредничеству его, а не старшины.

— Помилуй, милостивѣйшій кетъ-худа, когда же мы?..

— Зачѣмъ поѣдемъ къ гурамъ жаловаться?..

— Какъ рѣшишь, такъ и будетъ...

— Кромѣ тебя, у насъ нѣтъ начальства... въ перебивку стали увѣрять оба гостя.

— Если такъ, если правда, что послушаетесь моего рѣшенія, такъ мирабъ, ты, какъ старшій, рассказывай, въ чемъ дѣло!

Мирабъ пространно и довольно безтолково, прерываемый чуть не на каждомъ словѣ братомъ кетъ-худа, передалъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ сосваталъ своему сыну, которому тогда было пять лѣтъ, племянницу Муррюка, двухъ лѣтъ. Какъ и слѣдуетъ, при сватовствѣ былъ составленъ брачный актъ, опредѣляющій величину калыма и порядокъ уплаты. Теперь, когда жениху минуло 15, а невестѣ 12 лѣтъ, и по шаріату можно заключить бракъ, они никакъ не могутъ сосчитать, сколько изъ калыма отдано и сколько осталось получить.

Такъ какъ никакихъ записей или помѣтокъ не дѣлалось, то дѣйствительно требовалось много терпѣнія для того, чтобы возстановить истину. Послѣ неистоваго крика, шума и даже брани, привлечшихъ къ порогу мехманъ-хане нѣсколькихъ любопытныхъ, Муррюку удалось наконецъ уладить споръ къ взаимному удовольствію.

Только когда дѣло было окончено, младшая жена хозяина подала жирный, дымящійся пловъ, и всѣ трое, совершивъ омовеніе, принялись за ужинъ, который, согласно туркменскому этикету, прошелъ въ полномъ молчаніи.

Когда затѣмъ опять начали пить чай, гости невольно обратили вниманіе на озабоченную физіономію хозяина, и мирабъ робко осмѣлился спросить:

— Прости, милостивѣйшій кетъ-худа, недостойнаго слугу своего и позволь спросить, что заботитъ такъ тебя... Ты самъ на себя не похожъ, добрѣйшій хозяинъ.

— Большая, охъ, какая большая забота у меня, сокрушенно вздохнулъ Муррюкъ: — не поможете ли вы мнѣ, старики?.. Посоветуйте, что дѣлать... Не знаю, какъ и быть...

— Что случилось, дорогой братъ?.. Кажется, храни Господь, всё у тебя въ семьѣ здоровы?..

— Говори, великолѣпнѣйшій кетъ-худа!.. Открой свою душу... Можетъ быть, и наши скудные умы пригодятся.

— Спасибо вамъ,—поклонился хозяинъ и помолчалъ, какъ бы раздумывая, съ чего начать:—огорчаетъ меня единственный мой сынъ...

— Егенъ-Дурды? — Племянникъ? — въ полномъ, неожиданномъ изумленіи воскликнули оба гостя.

— Онъ самый,—тяжело вздохнулъ Муррюкъ.

— Прости, преславный кетъ-худа,—перебилъ мирабъ: — твой сынъ Егенъ-Дурды примѣромъ можетъ служить для всѣхъ нашихъ парней... Такого почтительнаго сына во всемъ аулѣ не сыщешь.

— Такъ. Вѣрно. Егенъ-Дурды парень смирный, тихій, изъ моей воли не выходитъ, да и теперь покорится, если прикажу... Приказать-то силъ нѣтъ.

— Что же случилось-то, Муррюкъ?—встревожился братъ хозяина.

— А случилось то,—кетъ-худа оглянулся, и хотя былъ увѣренъ, что ихъ никто не слышитъ, но все-таки понизилъ голосъ:—что, какъ передаютъ мнѣ добрые люди, каждый день его видятъ вдвоемъ съ дочерью старшины Велоу... Можетъ, и вы чтонибудь ужъ знаете объ этомъ?—вопросительно посмотрѣлъ старикъ на гостей.

Тѣ, потупившись, молчали. Давно ужъ ходилъ по аулу слухъ, что сынъ кетъ-худа связался съ дочерью ихъ врага старшины. Многіе знали объ этомъ, да не рѣшались сказать Муррюку, опасаясь навлечь его гнѣвъ на общаго любимца Егенъ-Дурды.

— Вижу, что знали, — не получивъ отвѣта, продолжалъ хозяинъ: — что жъ мнѣ теперь дѣлать? Парню давно жениться пора. Восемнадцать лѣтъ ему... Прикажу жениться на другой,—ни слова не скажетъ, да какъ приказать-то? Вѣдь онъ у меня одинъ сынъ... Дороже всѣхъ мнѣ.

— Попробуй, дорогой братъ, посватать его можемъ.

— Что-о? — сразу разсвирѣпѣлъ Муррюкъ: — чтобъ я пошелъ кланяться къ этому выскочкѣ?.. Чтобъ я сталъ просить этого дурака?.. Да приставъ мнѣ прикажи, такъ не пойду... Ты что, братъ, съ ума сошелъ, что ли?

— Не сердись, милостивѣйшій кетъ-худа,—вкрадчиво вставилъ мирабъ: — иначе можно устроить дѣло, если ты самъ ничего не имѣешь противъ этой свадьбы.

— Мнѣ что же?.. Дочь дурака-то этого дѣвка хорошая, всё говорятъ... И работница, и аладжу ткать умѣетъ, да и красивая... Чѣмъ не жена Егенъ-Дурды?

— Такъ зачѣмъ же дѣло тогда стало, наисчастливѣйшій кетъ-худа?.. Сынъ твой молодецъ, пусть украдетъ дѣвку... Ты подумай, какъ Велоу будетъ злиться!..

— Ох-ох-охъ! — усмѣхаясь, покачалъ головой братъ хозяина: — тутъ какъ-то слыхалъ я стороной, онъ будто сказалъ, когда ему передавали, что Егенъ-Дурды за его дѣвкой бѣгаетъ, что скорѣй зарѣжетъ дочь, чѣмъ выдастъ замужъ за сына кетъ-худа.

— А какъ дѣвку-то украдутъ изъ-подъ носа, такъ самъ, пожалуй, умереть отъ злости...

— Вѣрно!.. Кму-то, ей-ей-ей, какъ нехорошо будетъ! — почти весело разсмѣялся кетъ-худа, но, сразу принявъ озабоченный видъ, тяжело вздохнулъ: — Такъ-то оно такъ... Украсть, — Егенъ-Дурды украдетъ... Что говорить... Два хорошихъ дѣла можно сдѣлать: большую гадость Велюу учинишь, да сыну хорошую жену достанешь... Одна бѣда, старшина-то въ народный судъ бросится, а тотъ такой калымъ присудитъ, что и денегъ такихъ не найдешь... Тогда что-жъ? Разводить ихъ?.. Не хорошо!.. Стыда много...

— Какъ не найдемъ денегъ, дорогой братъ?

— Откуда они у меня?.. Нѣтъ совсѣмъ.

— У тебя нѣтъ, милостивый кетъ-худа, мы тебѣ дадимъ...

— И у васъ-то вѣдь немного.

— Да, не у насъ двоихъ... Чтобъ напакостить старшинѣ, все аульное отдѣленіе дастъ... Потомъ ты намъ, дорогой братъ, понемногу отдашь.

— Что-жъ объ этомъ говорить, — понемножку-то расплачусь... Егенъ-Дурды женится, надѣлъ ¹⁾ долженъ получить, легче будетъ тогда... Такъ говоришь, что отдѣленіе поможетъ?

— Какъ же не помочь? Ты нашъ кетъ-худа, — поторопился увѣрить мирабъ, но хозяинъ, видимо, не очень повѣрилъ, махнулъ рукой, и весело разсмѣявшись, проговорилъ:

— Не очень-то вы почитаете кетъ-худа, а если и дадите денегъ, такъ только для того, чтобы сдѣлать гадость врагу... Да мнѣ-то все равно, изъ-за чего поможете... Вотъ что, надо бы собрать всѣхъ стариковъ, да переговорить съ ними.

Муррюкъ позвалъ рабочаго перса и приказалъ созвать всѣхъ домохозяевъ. Тотъ влѣзъ на плоскую кровлю сакли и зычно принялся кричать:

— Достопочтенный кетъ-худа зоветъ къ себѣ по дѣлу всѣхъ аксакаловъ.

Долго бесѣдовалъ Муррюкъ со стариками, и только поздно ночью, послѣ того, какъ вполне увѣрился въ ихъ согласіи помочь ему въ случаѣ нужды, отпустивъ сходъ, радостный и довольный легъ спать, собираясь утромъ обстоятельно переговорить съ сыномъ.

¹⁾ У туркменъ каждый женатый, даже обрученный, имѣетъ надѣлъ; причина, почему обручаютъ малолѣтнихъ и дѣтей.

II.

Солнце стоитъ почти по срединѣ темно-синяго неба; цѣлые потоки лучей нестерпимымъ жаромъ обливаютъ землю; одинъ за другимъ уходятъ съ полей рабочіе, торопясь укрыться въ тѣнь. Оживившійся было съ утра ауль быстро затихаетъ. Все живое спитъ или дремлетъ, пережидая жару.

Подъ широкимъ навѣсомъ, раздѣляющимъ на двѣ половины просторную саклю старшины, сидятъ самъ Велоу-бай, средняго роста, красивый брюнетъ съ небольшою бородкой и хитрыми глазами, и другой торговецъ аула Дѣвлять-Гельды. Послѣдній высокій, худой туркменъ съ выраженіемъ не то испуга, не то недоумѣнія на безбородомъ лицѣ, несмотря на то, что считается однимъ изъ богачей аула, одѣтъ въ дрянный халатъ, облѣзлую папаху и обтрепанные лапти.

Около навѣса на самомъ припекѣ помѣстился на корточкахъ сынъ Дѣвлять-Гельды, Алоу, небольшою курносый парень, также бѣдно одѣтый, какъ и отецъ. Давно уже сватаютъ для него Дѣвлять-Гельды дочь старшины, первую красавицу въ аулѣ, Гюль-Ханумъ, да все не можетъ сойтись въ цѣнѣ. Велоу-бай проситъ тысячу кранъ ¹⁾, а прижимистый лавочникъ даетъ всего пятьсотъ. Терпѣливо ждетъ Алоу, когда сговорятся старики, зная, что рано или поздно Гюль-Ханумъ будетъ его женой, такъ какъ ни у кого другого въ Чухуръ-Агылѣ нѣтъ такихъ денегъ, какъ у его отца. Въ послѣднее время забеспокоился парень, и давно стали ходить слухи, что та, которую онъ считалъ своей невѣстой, ненашутку заглядывается на красавца Егенъ-Дурды. Хоть и зналъ Алоу, что Велоу-бай ни за какія деньги не отдастъ за того дочь, а все-таки началъ торопить отца покончить скорѣе дѣло. Сегодня съ утра привелъ онъ его къ старшинѣ, а старики до сихъ поръ не могутъ сторговаться.

Велоу-бай, не уступая ни крана, увѣряетъ и клянется, что и такъ-то беретъ мало, что дѣвка вдвое больше стоитъ.

Дѣвлять-Гельды, набавившій еще двѣсти пятьдесятъ кранъ, вздыхаетъ, охаетъ и, соглашаясь съ хозяиномъ, собирается даже принять присягу на Коранѣ, что у него больше денегъ нѣтъ, что и обѣщанныя онъ принужденъ будетъ занять.

Слушаль, слушаль Алоу безконечный споръ и, наконецъ, выйдя изъ себя, забывъ правила вѣжливости, рѣзко вмѣшался въ разговоръ аксакаловъ.

— Покамѣстъ вы тутъ торговаться будете, дѣвку у васъ изъ-подъ носа украдутъ,—сердито кинулъ онъ, запахивая полы халата.

¹⁾ Кранъ—персидская монета; по курсу около двадцати копеекъ.

— Чего разоврался? Кто осмѣлится у меня дочь украсть?— презрительно покосился на него старшина.

— Кто?.. Да Егень-Дурды!.. Вотъ кто!

— Молчи, щенокъ... На мѣстѣ убью!—вскочилъ хозяинъ, сверкая глазами.

Дѣвлять-Гельды успокоительно потянулъ его за синій, суконный халатъ и дребезжащимъ голосомъ затянулъ:

— Полно, бай! Что слушаешь мальчишку? Не терпится ему, жениться хочется,—вотъ и вретъ...

— И то правда!.. Стоитъ ли обращать вниманіе на слова безусаго ишака!—злобно усмѣхнулся хозяинъ, садясь на коверъ.

— Я вру?.. Я ипакъ?.. Подождите же, я вамъ покажу, что не вру... порывисто поднялся во весь маленькій ростъ поблѣднѣвшій Алоу:—гдѣ твоя дочь?..

— Гдѣ ей быть? Дома, должно быть,—слегка нахмурился Велоубай и спросилъ, обратясь къ низкой дверцѣ сакли:

— Жена, гдѣ твоя дочь?

— За водой пошла... Долго что-то не возвращается... Тебѣ зачѣмъ ее?—отвѣтилъ изъ полусумрака комнаты молодой еще женскій голосъ, и въ дверь высунулась жена старшины, съ нѣкогда красивымъ, но раньше времени состарѣвшимся лицомъ. Красный шелковый платокъ былъ повязанъ у нея на головѣ и закрывалъ нижнюю часть лица. Оглянувъ разговаривающихъ сонными глазами, она лѣниво вышла изъ сакли и усѣлась въ углу.

— За водой ушла? Да?—злорадно усмѣхаясь, обратился къ ней Алоу:—ну, такъ я вамъ сейчасъ покажу, за какой водой она ходитъ... И, круто повернувшись, онъ со всѣхъ ногъ бросился въ гору къ садамъ.

— Чего это онъ убѣжалъ?—удивленно протянула жена старшины, безучастно слѣдя за убѣгающимъ парнемъ.

— А ну его!.. Сумасшедшій!.. —отмахнулся недовольный Велоубай.

— Не обращай ты на него вниманія... Дуракъ!.. Такъ какъ же, бай? Семь сотъ пятьдесятъ?—задребезжалъ высокимъ теноркомъ Дѣвлять-Гельды. Начался опять торгъ, къ которому совершенно равнодушно прислушивалась мать невѣсты.

Тамъ, гдѣ оканчиваются сады, и почти сейчасъ же начинаются пашни, не далеко отъ шумливаго арыка, куда женщины ходятъ за водой, въ тѣни развѣсистаго тута, лежитъ Егень-Дурды, поджидая Гюль-Ханумъ.

Дѣйствительно красавцемъ выглядитъ сынъ кетъ-худа. Широкоплечій, громаднаго роста, съ небольшою курчавою бородой, съ совершенно правильными чертами продолговатаго лица, онъ болѣе походитъ на перса, чѣмъ на туркмена, да и не мудрено, такъ какъ его мать родомъ изъ Тавриза, да и отецъ по крови на половину

хивинецъ, наполовину туркменъ. Радостно напряженными глазами всматривается Егенъ-Дурды въ узкій переулочекъ, извивающійся между садами, и напряженно прислушивается къ малѣйшему шороху. Запущенная трава подъ легкими шагами, чуть слышится серебряный звонъ мониста, и изъ-за поворота вышла дочь старшины. Только небольшой ростъ указываетъ на то, что Гюль-Ханумъ нѣтъ и четырнадцати лѣтъ. Длинная до пять шелковая красная рубашка плотно облегаетъ вполне развитыя, дѣвственныя формы; изъ-подъ широкихъ рукавовъ виднѣются небольшія ручки, украшенныя массивными браслетами и кольцами съ сердоликами; широкое монисто изъ двукраниковъ сверкаетъ, какъ панцырь, на высокой груди; маленькая шитая шелкомъ тюбетенка съ серебрянымъ шишачкомъ оставляетъ открытымъ круглое личико съ мелкими чертами, съ миндалевидными черными глазками, чуть-чуть выдающимися скулами и пухлыми, красными губами; въ концы двухъ черныхъ длинныхъ косъ вылетены небольшіе бубенчики. При видѣ дѣвушки Егенъ-Дурды слегка пошевелинулся, но позы не перемѣнилъ и постарался скрыть мелькнувшую въ глазахъ радость.

— Здравствуй, дѣвушка, — совѣтъ почти равнодушно привѣтствовалъ онъ Гюль-Ханумъ, когда та усѣлась около него на корточки, опустивши кувшинъ, который несла на плечѣ.

— Здравствуй, Егенъ-Дурды... Я пришла... Зачѣмъ звалъ меня? — тихо и робко спросила Гюль-Ханумъ, опуская глаза.

— Звалъ, чтобъ спросить тебя послѣдній разъ, — не измѣнила ли ты своему слову, и хочешь ли быть моей женой?

— У меня двухъ словъ нѣтъ, Егенъ-Дурды. Я сказала разъ, что ничьей женой не буду, какъ только твоей...

— Вотъ и хорошо... Я доволенъ, — счастливо разсмѣялся сынъ Муррюка и не могъ удержаться, чтобъ не потрепать дѣвушку по плечу. Гюль-Ханумъ вспыхнула отъ такой ласки жениха и, поднявъ на него глаза, полные самой рабской преданности, осмѣлилась спросить:

— Прости меня, господинъ... Зачѣмъ ты меня спрашиваешь объ этомъ?

— Вотъ зачѣмъ... Слушай-ка, что скажу.

И Егенъ-Дурды передалъ, какъ отецъ согласился, чтобъ онъ увезъ Гюль-Ханумъ, какъ онъ подобралъ себѣ товарищей, чтобъ похитить ее и отвезти не къ себѣ домой, а сперва къ старшинѣ сосѣдняго аула Хоссара; при этомъ, Егенъ-Дурды объяснилъ, что этого требуетъ Муррюкъ, для того, чтобы, во-первыхъ, самому остаться въ сторонѣ, а, во-вторыхъ, чтобъ отецъ невѣсты не могъ придрататься къ тому, что свидѣтелями брака были сторонники кетъ-худа.

Молодые люди окончательно условились о всѣхъ подробностяхъ побѣга и ужъ собирались расходиться, когда въ садахъ послышался чей-то быстрый бѣгъ, и черезъ одинъ изъ ближайшихъ заборовъ перескочилъ запыхавшійся Алоу.

При видѣ сына Дѣвлять-Гельды, Гюль-Ханумъ порывисто вскочила и бросилась къ арыку. Егенъ-Дурды нехотя поднялся и медленно зашагалъ по полю.

— Ты чего это за чужими дѣвками бѣгаешь? — крикнулъ ему издали Алоу.

— Ты это мнѣ говоришь?—обернулся Егенъ-Дурды.

— А то кому же, свиной сынъ? Смотри, скажу старостѣ, онъ не посмотритъ, что ты сынъ кетъ-худа...

— Молчи! — гаркнулъ Егенъ-Дурды и, указывая на костяную рукоятку ножа, сдѣлать нѣсколько шаговъ къ сопернику:—видишь вотъ это? Посмѣй у меня слово сказать, и гдѣ бы ты ни былъ, я убью тебя. Понялъ?

Алоу, при видѣ грозно нахмуривагося лица Егенъ-Дурды, мигомъ очутился по другую сторону забора и, посылая ему самую отборную брань, побѣжалъ къ аулу. Помня угрозу сына Муррюка, онъ не посмѣлъ ничего сказать старшинѣ и прошелъ прямо домой. Здѣсь онъ узналъ, что отецъ сторговался, наконецъ, съ Велоу-баемъ, и что свадьба назначена черезъ два дня. Последнее извѣстіе его настолько успокоило, что Алоу даже и отцу ни слова не сказалъ о только что видѣнномъ, рѣшивъ, что въ два дня соперникъ ничего не успѣетъ сдѣлать.

Весь этотъ день въ Чухуръ-Агылъ прошелъ спокойно, ничѣмъ не отличаясь отъ прочихъ дней.

Ночь проходила; многочисленныя звѣзды меркли одна за другой; на востокѣ небо постепенно свѣтлѣло и изъ темно-голубого обращалось мало-помалу въ серебристо-синее. Ауль Чухуръ-Агылъ еще не просыпался; только отрывистый лай собакъ, какъ переключка часовыхъ, нарушалъ тишину ночи.

Изъ нѣсколькихъ проломовъ въ стѣнѣ калы, выходящей къ садамъ, одинъ за другимъ показывались молодые парни, ведя въ поводу тонконогихъ, узкогрудыхъ скакуновъ.

Парни, помощники Егенъ-Дурды, одѣты въ новые халаты; за широкими шерстяными поясами заткнуты ножи, на боку висятъ кривыя пашки, клынчи; на лошадахъ поблескиваютъ широкіе ошейники и подхвостники, покрытые серебряными бляшками. Хотя послѣ прихода русскихъ ни одинъ увозъ дѣвушки не сопровождался кровопролитіемъ, но адатъ (обычное право) требуетъ, чтобъ товарищи жениха были вооружены; самъ же женихъ не можетъ имѣть никакого оружія.

Всей экспедиціей распоряжается сынъ мираба Нуроу. Быстро сосчитавъ собравшихся за садами парней, еще разъ повторивъ имъ инструкціи, онъ крутою рысью повелъ всю партію въ объѣздъ аула къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ разговаривалъ Егенъ-Дурды съ своей невѣстой.

Съ первыми лучами вынырнуваго изъ-за горизонта солнца

женихъ съ своими товарищами спрятались за складку степи, и ничто не указывало на ихъ присутствіе.

Степь оставалась попрежнему тихой и безмолвной. Вонъ вдали послышался неясный первый шумъ просыпающагося аула. Въ садахъ замелькали красныя рубашки, раздались голоса идущихъ по воду женщинъ. Не успѣли онѣ дойти до арыка, какъ сразу, будто изъ-подъ земли, вынеслась толпа верховыхъ и съ громкимъ смѣхомъ, гиканьемъ окружила струсившихъ въ первой моментъ женщинъ. Скакавшій впереди Егенъ-Дурды, какъ перышко, подхватилъ Гюль-Ханумъ и, взбросивъ ее на сѣдло, помчался къ синѣющему вдали Хосару. Товарищи его, перекинувшись шутливыми угрозами съ женщинами, сразу пришедшими въ себя, когда догадались, въ чемъ дѣло, кинулись за нимъ.

Похищеніе, какъ всѣ такія похищенія, окончилось бы, пожалуй, благополучно, еслибы не взбудоражила аула мать Алоу. Съ воемъ и крикомъ бросилась она къ себѣ домъ и объявила о происшествіи. Одураченный сынъ Девлять-Гельды, потерявъ голову отъ злобы, мигомъ поднялъ на ноги всю молодежь старшинскаго отдѣленія. Парни, обрадовавшись развлеченію, повскакали на всегда осѣдланыхъ коней и на перерѣзъ кинулись за похитителями.

Скоро обѣ партіи столкнулись у мостика черезъ широкій арыкъ. Приверженцы Егенъ-Дурды, желая дать ему время уйти, загородили путь и вступили въ перебранку съ преслѣдователями; скоро брань перешла въ драку, но оружія никто не обнажалъ. Наконецъ Нуроу, оглянувшись и замѣтивъ красный халатъ жениха у самыхъ садовъ Хосара, хотѣлъ уже дать знакъ объ отступленіи, когда Алоу, убѣдившись, что добыча уходитъ, потерявъ всякое самообладаніе, ринулся съ обнаженною пашкой въ толпу враговъ. Въ яркихъ лучахъ солнца на мгновеніе блеснулъ стальной клинокъ, и нечаянно подвернувшійся Нуроу покатился съ сѣдла съ разсѣченнымъ чепомъ.

Убійство сразу отрезвило толпу. На мгновеніе притихнувъ, парни сбились въ кучу и, обскакивая трупъ, съ криками:

— Убилъ! Убилъ!...— понеслись къ Чухуръ-Агыль.

Егенъ-Дурды съ невѣстой на сѣдлѣ проскакали прямо къ хосарскому старшинѣ и, сдавъ радостную, улыбающуюся Гюль-Ханумъ на руки женѣ, рассказали хозяину все происшествіе, просили гостепріимства. Какъ ни непріятно было старику-старшинѣ впутываться въ такую исторію, но, не имѣя права по адату отказаться, онъ, скрѣпя сердце, послалъ за муллой и двумя самыми почетными аксакалами. Старики съ глазу на глазъ спросили Гюль-Ханумъ, добровольно ли она ушла съ Егенъ-Дурды, и когда былъ полученъ утвердительный отвѣтъ, мулла написалъ о томъ бумагу, всѣ присутствующіе приложили къ ней именныя печати, и бракъ считался заключеннымъ.

Молодые должны были остаться въ Хосарѣ или до окончанія дѣла миротъ, или до разбора его въ народномъ судѣ.

Необычайное оживленіе царило между тѣмъ въ Чухуръ-Агылѣ. Поднялись, закопошились обѣ партіи.

Велоу-бай, избившій предварительно жену за то, что та не досмотрѣла за дочерью, въ нижнемъ только халатѣ, но вооруженный съ головы до ногъ, верхомъ метался по своему отдѣленію, то прося, то требуя, чтобъ одноаульцы тотчасъ же ѣхали съ нимъ въ Хосаръ отбивать дочь. Напрасно старики уговаривали его успокоиться, доказывая, что хосарцы не выдадутъ добровольно молодыхъ, и что его горячность можетъ привести къ дракѣ двухъ ауловъ. Велоу ничего слушать не хотѣлъ и чуть было одинъ не поскакалъ за дочерью. Родственники силой стащили его съ лошади и увели въ саклю.

На другомъ концѣ отдѣленія густая толпа гудѣла у лавки Девлять-Гельды. Старикъ узнавъ, что его сынъ убійца, сперва растерялся, потомъ накинута съ бранью на Алоу и наконецъ, кое-какъ совладавъ съ собою, началъ собирать того въ отѣздъ. Черезъ полъ-часа Алоу, захвативъ немного провизіи, денегъ, скакалъ по дорогѣ въ Персію, убѣгая отъ кровавой мести. Девлять-Гельды, заперевъ остальную семью въ саклю, валялся въ ногахъ у толпы, прося заступиться за него и не выдавать родственникамъ убитаго.

Опасенія чухуръ-агылскаго лавочника, пожалуй, были и не безосновательны. Въ стѣнахъ старой калы замѣтно было злобное волненіе.

Въ саклѣ мираба, около принесеннаго, обмытаго и завернутаго въ саванъ трупа, собрались всѣ старухи отдѣленія. Сидя на корточкахъ у стѣнъ комнаты, онѣ неистово били себя въ грудь, до крови царапали лицо, разрывали рубахи и въ голосъ причитали.

Заунывный, за душу хватающій, вой ихъ далеко разносился среди мрачныхъ развалинъ калы.

Старикъ мирабъ съ блестящими отъ злобы глазами, стоя передъ саклей, задыхающимся голосомъ призывалъ родственниковъ на месть. Молодежь, возбужденная его страстною рѣчью, съ проклятіями и угрозами по адресу враговъ, бросилась было доставать изъ тайниковъ мултуки (ружья) и топонча (пистолеты), когда въ улицѣ появился важный и спокойный кетъ-худа.

Втолкнувъ мираба въ саклю, нѣсколькими словами успокоивъ разошедшихся парней, онъ заявилъ, что самъ вмѣстѣ со стариками ѣдетъ съ жалобой къ приставу, и приказалъ до разбора дѣла сидѣть смирно. Притихнувшая толпа, благодаря начальника за заступничество, восхваляя его мудрость, постепенно стала расходиться. Въ полдень Муррюкъ и старшина, оба съ своими аксакалами, скакали разными дорогами въ приставство съ жалобами. Ауль на время затихъ и успокоился.

III.

Утромъ на слѣдующій день пріѣхалъ въ Чухуръ-Агылъ приставъ, сопровождаемый на этотъ разъ громадною свитой. Кромѣ переводчика и джигитовъ, за нимъ ѣхали представители обѣихъ враждующихъ партій, нѣсколько есауловъ (аульный посыльный, глашатай), трое народныхъ судей и масса любопытныхъ изъ сосѣднихъ ауловъ, по которымъ съ быстротой телеграфа разнеслась вѣсть о громкомъ дѣлѣ въ Чухуръ-Агылѣ.

Даже не отдыхая, начальство тотчасъ приступило къ разбору обѣихъ жалобъ.

На одномъ изъ склоновъ котловины, какъ разъ посерединѣ между двумя отдѣленіями, на коврахъ и кошмахъ разсѣлись судья, рядомъ съ ними мирза (писарь) съ походною канцеляріей, а немного подальше приставъ и переводчикъ.

Густая толпа любопытныхъ плотнымъ кольцомъ окружила засѣданіе суда; впереди ея двумя отдѣльными группами помѣстились партіи старшины и кетъ-худа, имѣя во главѣ Велюу и Муррюка; джигиты и есаулы съ нагайками въ рукахъ сдерживали напоръ людской массы.

Горячее солнце ярко освѣщало рѣзко выдѣляющійся бѣлымъ пятномъ китель пристава, цѣлое море красныхъ по преимуществу халатовъ, черныхъ, рыжихъ и бѣлыхъ папахъ, кровли сакель, унизанныя ребятишками, красную группу женщинъ въ темныхъ воротахъ калы, ея сѣрыя, угрюмыя стѣны и густую зелень садовъ, замыкающихъ всю картину. Первымъ разбиралось дѣло объ убійствѣ Нуроу и прошло сравнительно тихо. Хотя убійца и не присутствовалъ на судѣ, но судьи признали возможнымъ въ качествѣ отвѣтчика привлечь его отца. Такъ какъ свидѣтельскими показаніями былъ установленъ фактъ нечаяннаго убійства, то судъ, не налагая на виновнаго наказанія, ограничился присужденіемъ съ Дѣвлять-Гельды 100 тумановъ ¹⁾ хуна ²⁾ въ пользу родственниковъ убитаго, при чемъ согласно адату вся сумма должна быть уплачена въ продолженіе мѣсяца на половину деньгами, на половину скотомъ. Послѣ объявленія приговора, на вопросъ начальства, довольны ли стороны рѣшеніемъ, отецъ убитаго поднялъ было крикъ, требуя кровавой мести, но остановленный кетъ-худа, который шепнулъ ему что-то на ухо, замолкъ и проворчалъ:

— Доволенъ. Пускай во время заплатитъ, я доволенъ!

Дѣвлять-Гельды, заявивъ, что онъ тоже доволенъ, принялся

¹⁾ Туманъ=33½ кранамъ.

²⁾ Хунъ—плата за кровь.

нить и жаловаться на бѣдность, услышавъ же грозный окрикъ пристава, съ тяжелымъ вздохомъ замѣшался въ толпѣ своихъ родственниковъ.

Дѣло о женитьбѣ Егенъ-Дурды началось неистовымъ гвалтомъ старшинской партіи. Они лѣзли къ судьямъ, требовали расторженія брака и заявляли, что никакого калыма не возьмутъ. Съ трудомъ джигиты, разсыпая удары нагаекъ направо и налево, усмирили разошедшихся приверженцевъ Велоу настолько, что можно было начать разборъ.

Самъ старшина не унимался и продолжалъ кричать, что бракъ его дочери съ Егенъ-Дурды не дѣйствителенъ, такъ какъ она два года тому назадъ была просватана за Алоу; въ подтвержденіе своихъ словъ Велоу-бай сослался на двухъ свидѣтелей и представилъ брачный контрактъ.

Судьи, взглянувъ на болѣзненные лица свидѣтелей съ лихорадочно блестящими глазами, не повѣрили ихъ показаніямъ и, признавъ обоихъ теріакешами (курильщики опиума), потребовали четырехъ поручителей, могущихъ подтвердить ихъ слова. Велоу поспѣшилъ вытянуть изъ среды родственниковъ четырехъ стариковъ. Тѣ, отказавшись ручаться за теріакешей, показали, что слышали, будто дочь старшины просватана за Алоу, но когда имъ было предложено принять въ этомъ присягу на Коранѣ, они отказались.

Старшина между тѣмъ, не обращая ни на что вниманія, совалъ судьямъ брачный контрактъ; судьи, разсмотрѣвъ бумагу, усомнились, чтобъ она была написана два года тому назадъ, и потребовали муллу, который ее составлялъ. Мулла, молодой еще парень, быстро сбился въ показаніяхъ и сознался, что контрактъ по приказанію старшины написалъ только вчера. Видя, что его хитрость не удалась, Велоу пришелъ въ такое изступленіе, что джигиты принуждены были вывести его. Во все это время партія кетъ-худа, сдерживаемая имъ, вела себя сравнительно тихо, изрѣдка только градомъ насмѣшекъ сопровождая неудачныя показанія старшинскихъ свидѣтелей. Опросивъ Егенъ-Дурды, хосарскаго старшину, понятыхъ и муллу, бывшихъ во время заключенія брака, судьи пожелали переговорить съ молодой.

Гюль-Ханумъ, съ ногъ до головы закутанная въ халатъ, сидѣла въ сторонѣ, повидимому, совершенно безучастно относясь ко всему происходящему.

Долго шептались съ ней судьи и, наконецъ отпустивъ, стали совѣщаться.

Толпа примолкла и напряженно ждала.

Судьи выпрямились, переглянулись; старшій погладилъ бороду, крякнулъ и обратился къ приставу:

— Господинъ, судъ разсмотрѣлъ дѣло. Показаніямъ старшины

вѣры онъ не даетъ: бумага ложная, мулла признался, свидѣтели теріакеші, которые изъ-за крана покажутъ, что угодно. Бракъ Егенъ-Дурды съ дочерью Велоу-бай совершенъ правильно. Свидѣтели, посторонніе жениху люди, почтенные старики, показали, что дѣвушка ушла добровольно; она только что и намъ сказала то же самое. Бракъ правильный; расторгнуть его нельзя, но дѣло все-таки не хорошее. Егенъ-Дурды не смѣлъ увозить дочь врага, а потому судъ присудилъ: сынъ Муррюка долженъ уплатить калымъ въ двѣ тысячи четыреста кранъ (около 800 руб.), но не скотомъ и деньгами, какъ обыкновенно, и не по частямъ, а сразу кранами. Если заплатитъ онъ не можетъ, то женщины дать разводный листъ, а виновныхъ въ увозѣ посадить въ тюрьму на три мѣсяца.

Приговоръ, выслушанный въ напряженномъ молчаніи, былъ подъ конецъ покрытъ страшнымъ крикомъ обѣихъ теперь уже партій.

Какъ ни были подготовлены приверженцы Муррюка къ увеличенію калыма, но объявленная судомъ не бывшая цифра поразила ихъ. Они громко требовали уменьшенія платы.

Старшина заявлялъ, что судомъ не доволенъ и что пойдетъ съ жалобой къ высшему начальству. Когда шумъ немного утихъ, приставъ самъ попросилъ судъ убавить калымъ. Судьи отказались и, сославшись на вторую часть рѣшенія, предложили расторгнуть бракъ. Услышавъ это, сторонники кетъ-худа зашептались и послѣ долгихъ споровъ объявили, что завтра утромъ представлять всю сумму.

Удовлетворившись такимъ отвѣтомъ, приставъ, объявивъ Велоу порядокъ обжалованія въ высшую инстанцію, въ «чрезвычайный сѣздъ народныхъ судей», хотѣлъ было закрыть засѣданіе, когда старшина обратился къ нему:

— Господинъ, я судомъ недоволенъ и буду жаловаться, какъ ты сказалъ, въ чрезвычайный судъ. Покаместъ тамъ не окончится дѣло, прикажи отдать мнѣ назадъ дочь...

— Судьи, какъ вы рѣшите: у кого должна быть Гюль-Ханумъ, у отца или у мужа?—спросилъ приставъ.

Судьи пошептались, и старшій объявилъ:

— Господинъ, если кетъ-худа завтра отдастъ калымъ, дѣло считается оконченнымъ, и женщина должна быть при мужѣ. Не отдастъ,—виновныхъ накажи, а женщину отдай отцу...

— Слышишь, Велоу-бай, какъ судъ рѣшилъ, такъ и будетъ...

— Мнѣ не нужно калыма!.. Не возьму!.. Пускай дочь отдаютъ!..—вопилъ старшина.

Его впрочемъ никто уже не слушалъ.

Толпа расходилась, громко обсуждая дѣло. Приставъ собирался ѣхать домой, сопровождаемый довольнымъ Муррюкомъ.

Прошло два года. Дѣло о женитьбѣ Егенъ-Дурды наконецъ окончилось. Долго не хотѣлъ смиряться старшина. Когда по его жалобѣ «чрезвычайный съѣздъ народныхъ судей», рассмотрѣвъ дѣло, утвердилъ постановленіе народнаго суда, Велоу-бай кинулся къ высшему начальству и добился перерѣшенія. Судъ въ другомъ уже составѣ произнесъ прежній приговоръ. Только послѣ вторичнаго отказа въ «чрезвычайномъ съѣздѣ» старшина понялъ, что дальнѣйшая борьба не возможна, и, разсудивъ, что если ужъ терять дочь, такъ за хорошей кушъ, согласился принять калымъ, хранившійся все это время у пристава.

Новое родство не только не прекратило давнишней вражды между старшиной и кетъ-худа, но еще больше ее обострило. Впрочемъ, Муррюкъ, вполне довольный, что насолилъ врагу, что получилъ лишній надѣлъ на сына, мало обращалъ вниманія на безсильную злобу Велоу-бая. Тихо и мирно живя въ старой калѣ, не занимаясь ничѣмъ предосудительнымъ, онъ не боялся многочисленныхъ, чуть не ежедневныхъ, но большей частью неосновательныхъ, жалобъ старшины и умѣлъ ловко парировать ихъ.

Когда же у Муррюка родился внукъ, и онъ фиктивно женилъ его, для полученія еще надѣла, то благосостояніе кетъ-худа возросло настолько, что онъ за небольшую плату нашелъ вторую жену для Егенъ-Дурды. Благодаря этому, хорошенькая Гюль-Ханумъ, недолго процарствовавъ въ сердцѣ и въ домѣ мужа, отошла на второй планъ, и на нее, какъ на старшую, возложили всю тяжелую работу въ большомъ хозяйствѣ свекра.

Дѣло объ убійствѣ Нуроу кончилось не такъ благополучно. Алоу изъ Персіи не возвращался; отецъ его сразу вдругъ обратился въ бѣдняка, лавочку свою закрылъ, имущество куда-то припряталъ, и, кромѣ надѣла, у него ничего не осталось. Напрасно родственники убитаго требовали хуна: съ Дѣвлять-Гельды положительно нечего было взыскать.

Прошелъ годъ, а онъ не заплатилъ ни копейки; все только ходилъ къ приставу, да жаловался, что боится кровавой мести.

Долго сдерживалъ кетъ-худа мираба, отца Нуроу, но когда наконецъ убѣдился, что лавочникъ не хочетъ платить хуна, когда мирабъ упрекнулъ его за отказъ въ энергичной помощи, Муррюкъ разрѣшилъ ему раздѣлаться съ Дѣвлять-Гельды своимъ судомъ. Выискалось трое молодцевъ, которые, напавъ въ пескахъ на отца убійцы, избили его, ранили въ голову и полумертваго бросили въ степи.

Проѣзжающіе мимо туркмены нечаянно наткнулись на окровавленнаго лавочника и привезли его въ Чухуръ-Агылъ.

Возникло новое дѣло о кровавой мести. Такъ какъ Дѣвлять-Гельды самъ вызвалъ ее своимъ поведеніемъ, то судъ, сбавивъ ему хунъ на половину, хотѣлъ было даже не налагать взысканія

на виновныхъ и только по настоянію пристава подвергъ ихъ аресту на мѣсяць.

Дѣвлять-Гельды не хотѣлъ платить и оставшихся 50 кранъ. Послѣ долгой переписки высшимъ начальствомъ приказано было взыскать хунъ со всего аула.

Когда послѣднее было приведено въ исполненіе, то партія кетъ-худа настолько озлобилась противъ скупого лавочника, что тотъ, опасаясь быть убитымъ, принужденъ былъ выселиться въ дальній аулъ, заселенный тѣмъ же племенемъ анаули. Такъ закончилось и это, надѣлавшее среди туркменъ много шума, дѣло, ибо кровавая месть, какъ слѣдствіе неуплаты хуна, большая рѣдкость въ мирныхъ теперь аулахъ Туркменіи.

М. Дандевиль.

